

СЛОТ «МЁРТВОЕ ТЕЛО» В СИСТЕМЕ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

© 2009 С.И. Дербенёва

Самарская государственная академия культуры и искусств

Статья поступила в редакцию 30.06.2009

Исследуется лингвистическое своеобразие слота «мёртвое тело» в системе концепта «смерть» на основе лирического цикла Г.Бенна «Морг». Предложена классификация грамматических и лексических особенностей лирических текстов поэта. Рассматриваются традиционные и новаторские художественные приёмы Г.Бенна в названном цикле стихотворений.

Ключевые слова: библейская аллюзия, грамматический параллелизм, деструктивный синтаксис, концепт, лингвистика, лирический герой, метафора, метонимия, метафорический ряд, неологизм, сарказм, символ, символический ряд, скрытый парадокс, сравнение, эллипс, эпитет, эпитет-неологизм.

В данной статье мы рассматриваем слот «мёртвое тело» в системе концепта «смерть». Согласно В.И.Карасику, концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны¹. Под слотом мы понимаем смысловую единицу концепта. Образ трупа в литературном творчестве и, в частности, в лирике встречается крайне редко. Его выражение в поэзии Г.Бенна уникально по своей сути. В стихотворениях данного автора проявляется своеобразное раздвоение лирического «Я»: в текстах Г.Бенна перед читателями предстаёт поэт и патологоанатом. Большая часть произведений писателя, посвящённых данной теме, сосредоточена в цикле «Морг». Цинизм врача и шокирующая реалистичность создают пугающую атмосферу настоящего морга. Каждое стихотворение представляет собой отчёт патологоанатома о проведении вскрытия, но в описании традиционной процедуры кроется нечто большее. Проникая в нутро человека, Г.Бенн проникает в самую суть мироздания. В основе данной концепции лежит особое видение мёртвого человеческого тела. К основным мотивам при описании трупа у Г.Бенна относятся безразличие врача, противоречивый образ смерти, отталкивающий, но таящий особую красоту, а также мотив перехода: смерть, дарующая новую жизнь.

Наиболее ярко в лингвистическом плане данный слот выражен в структурных и грамматических особенностях лирики Г.Бенна. Спокойствие и цинизм патологоанатома проявляются в «сухом» медицинском дискурсе. Структура синтаксических конструкций в стихотворениях близка

к прозаическому тексту. Поэт активно использует сложносочинённые и сложноподчинённые предложения, что не характерно для лирического текста:

«Der Mund eines Mädchens, das lange im Schlif gelegen hatte, sah so angeknabbert aus.» (Schöne Jugend);² «Der einsame Backzahn einer Dirne, die unbekannt verstorben war, trug eine Goldplombe.» (Kreislauf)³.

Плавное течение прозаического текста нарушается вкраплениями редких рифм: «Als ich von der Brust aus unter der Haut mit einem langen Messer Zunge und Gaumen herauschnitt, muss ich sie angestoßen haben, denn sie glitt...» (Kleine Aster).⁴ Лиричность создаётся также за счёт особого ритма. Г.Бенн делит длинные предложения на несколько строк. В некоторых случаях это продиктовано рифмой:

«Schließlich in einer Laube unter dem Zwerchfell
fand man ein Nest von jungen Ratten.
Ein kleines Schwesterchen lag tot.
Die anderen lebten von Leber und Niere, tranken das kalte Blut
und hatten
hier eine schöne Jugend verlebt.» (Schöne Jugend)⁵

В других случаях определяющую роль, с точки зрения воссоздания особой атмосферы морга и образа лирического героя, играет длина строки. Иногда строка совпадает с предложением. Чередуя короткие и длинные строки или, постепенно сокращая их длину, поэт усиливает экспрессивную направленность стихотворения, подчёркивает лексические единицы, несущие основную смысловую нагрузку, создаёт атмосферу возрастающей напряжённости:

«Ein ersoffener Bierfahrer wurde auf den Tisch gestemmt.
Irgendeiner hatte ihm eine dunkelhellila Aster
Zwischen die Zähne geklemmt.» (Kleine Aster)

⁰ Дербенёва Светлана Игоревна, старший преподаватель, аспирант. E-mail: letulitc@yandex.ru

¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: 2004 – С. 109.

² Бенн Г. Перед концом света. – СПб.: 2008. – С. 40.

³ Там же. – С. 42.

⁴ Там же. – С. 40.

⁵ Там же. – С. 40.

В переводе на русский язык данный отрывок звучит следующим образом:

«Он развозил пиво и, пьяный, утонул;
кто-то темно-светло-лиловую астру
в зубы ему воткнул». (Малютка астра)⁶

В данном стихотворении за счёт постепенного сокращения длины строк автор выводит на первый план эпитет-неологизм «dunkelhella» и создаёт напряжённую атмосферу нарастающего удивления, которое рождается из шокирующего сочетания трупа и цветка, врачебного цинизма и необычной красоты. В лирическом тексте «Kreislauf» (Круговорот) поэт, чередуя длинные и короткие строки, фиксирует внимание читателя на основных смысловых пластах стихотворения:

«Die übrigen waren wie auf stille Verabredung
ausgegangen.
Den schlug der Leichendiener sich heraus,
versetzte ihn und ging für tanzen.
Denn, sagte er,
nur Erde solle zur Erde werden».

(«Остальные были удалены,
как будто с её согласия.
А этот зуб выбил уборщик трупов,
сбагрил его и пошёл на танцы,
ибо, – сказал он, –
лишь земле полагается стать землёю».)⁷

Довольно часто в лирике Г. Бенна встречается синтаксический приём, который мы обозначаем термином «деструктивный синтаксис», т.е. тяготеющий к нарушению традиционной структуры предложения или строки. Под традиционной структурой предложения в немецком языке мы понимаем наличие подлежащего и сказуемого, чёткую грамматическую структуру немецкого предложения, в котором каждый член предложения занимает определённое место, а также структуру, определяемую вербальной рамкой. Стандартная строка лирического текста состоит из одного предложения или является синтагмой в составе сложного. Помимо сложных синтаксических конструкций в лирических текстах данной группы особую смысловую нагрузку несут односоставные предложения. Именно в односоставных назывных предложениях, разрывающих строку, наиболее ярко проявляет себя деструктивный синтаксис поэта. Например, в стихотворении «Requiem» (Реквием) автор использует короткие назывные предложения: «Auf jedem Tisch zwei. Männer und Weiber kreuzweis». (Мужской и женский труп крестообразно простёрты на поверхности стола). Поэт демонстрирует хаос смерти, которая уравнивает всех, возвращая к единому природному началу. В коротких пред-

ложениях, разрывающих строку, находит выражение бесстрашие, точность и собранность патологоанатома. Деструктивный синтаксис при этом точно воссоздаёт атмосферу вскрытия. Автор практически отказывается от глаголов, при этом постоянно обращаясь к перечислениям с союзом «und». В данном случае перед нами предстаёт скорее патологоанатом, чем поэт, главная цель которого, назвать, обозначить объект. Короткие резкие слова и длинные однородные ряды нагнетают чувство отстранения от происходящего: «Nah, nackt, und dennoch ohne Qual». («Рядом друг с другом, обнажённые и всё же избавленные от мук»). Поэт говорит о противоречивости смерти, уравнивающей и избавляющей от боли. С этой точки зрения интересно также рассмотреть эллипсы, обладающие у Г. Бенна особой художественной выразительностью. В лирическом тексте «Requiem» (Реквием) поэт пишет: «Jeder drei Näpfe voll: von Hirn bis Hoden». (Яички, мозг – в трёх мисках лишь обмылки). Опуская глаголы, Г. Бенн показывает стремительность действий патологоанатома, отделяющего один орган от другого, которая в свою очередь создаёт ощущение быстротечности бытия⁸.

В стихотворении «Negerbraut» (Невеста негра) поэт использует эллипсы для описания мёртвого негра. В данном лирическом тексте он олицетворяет страшную сторону смерти в отличие от трупа прекрасной девушки, которой, по мнению Г. Бенна, уготовано вознесение на небеса. В связи с этим поэт отказывается от подробного описания трупа негра, обращаясь к эллипсам: «Ein Nigger neben ihr: durch Pferdehufschlag Augen und Stirn zerfetzt». (С ней рядом негр. Его глаза и лоб раздавлены копытом лошадиным). Через усечённые синтаксические конструкции поэт выказывает своё пренебрежение по отношению к объекту описания. Грамматические параллелизмы в данном стихотворении, напротив, создают особую лиричность при описании мёртвой девушки:

«...und leckte ihr die hellen Schenkel lang
und kniete um die bräunlicheren Brüste...»

(«...скользя по белым бёдрам языком,
к соскам при этом льнуло темноватым...»)

В некоторых лирических текстах особое значение имеет также графическое расположение слов в строке. Например, в стихотворении «Negerbraut» (Невеста негра) начало предложения в строке смещено вправо:

«... und wie vorm Aufblick vieler Himmelfahrten
des jungen warmen Blutes.

Bis man ihr

Das Messer in die weiße Kehle senkte».

⁶ Там же. – С. 40 – 41

⁷ Там же. – С. 42 – 43

⁸ Там же. – С. 44 – 45

(... в предчувствии блаженных вознесений
горячей, юной крови.

Взрезал нож
Ей белое бестрепетное горло...»⁹

Таким образом, автор обозначает границу между своей фантазией о божественном вознесении юной погибшей красавицы и грубой реальностью будней патологоанатома. В графическом оформлении стихотворения находит своё выражение образ пропасти между двумя ипостасями смерти: надеждой на вечную жизнь и беспомощностью трупа. Данный приём имеет также особое значение, с точки зрения ритмики стихотворения. Смещая начало следующей строки вправо, автор визуализирует паузу и фокусирует внимание читателя на реальности происходящего: «Взрезал нож ей белое бестрепетное горло...»

С точки зрения лингвистического выражения слота «мёртвое тело» особый интерес представляют восклицательные предложения. В стихотворении «Kleine Aster» яркую образность подчёркивает императив: «Trinke dich satt in deiner Vase! Ruhe sanft, kleine Aster!» (Есть что попить в твоей вазе, ты можешь спокойно спать, малютка астра!)¹⁰. Труп возницы не вызывает жалости у лирического героя. Всё его внимание направлено на цветок, прекрасный и обречённый на гибель. Прощаясь с астрой, поэт прощается с красотой.

В лирическом тексте «Schöne Jugend» (Прекрасная молодость) восклицательное предложение выражает эмоциональное состояние поэта, сочувствующего гибели крысят: «Ach, wie die kleinen Schnauzen quitschten!» («... и как верещали малышки!»)¹¹.

С точки зрения морфологии, можно сделать вывод, что в стихотворениях данной группы очень часто встречаются глаголы в прошедшем времени, отражающие атмосферу медицинского дискурса, а также прилагательные, которые выражают экспрессию и в качестве метафор и эпитетов создают яркие образы смерти: «dunkelhellila» (тёмно-светло-лиловая); «bräunlichere Brüste» (темноватые соски); «aus totem Blut» (из мёртвой крови) и т.д. Но, в общем и целом, очевидно тяготение поэта к имени существительному:

«Und Gottes Tempel und des Teufels Stall
Nun Brust an Brust auf eines Kübels Boden
Begrinsen Golgatha und Sündenfall». (Requiem)

(«Храм Господа и стойло сатаны.
Грудь с грудью и подобие ухмылки:
Голгофа, первородный грех смешны».) (Реквием)¹²

Номинация, при выражении слота «мёртвое тело», оказывается важнее, чем действие. Г.Бенн как патологоанатом производит вскрытие действительности, чётко обозначая изъятые части, точно так же, как философ Г.Бенн постигает свою вселенную, выхватывая отдельные образы и обозначая их в лирических текстах. При анализе лексического выражения слота «мёртвое тело» мы выявили большое разнообразие художественных средств, отражающих особый взгляд поэта на природу смерти.

Наиболее распространённым приёмом в лирических текстах данного концептуального слота является метафора. В стихотворении «Маленькая астра» прекрасный цветок в зубах трупа олицетворяет собой духовное начало. Данная метафора сливается с противопоставлением отвратительной для лирического героя физической стороны смерти и очарования души, трупа и живого существа. Пытаясь объяснить себе смерть, лирический герой-патологоанатом вкладывает в грудную полость вскрываемого трупа астру. Таким образом, он признаёт наличие духа и надевает смерть смыслом: «Trinke dich satt in deiner Vase! Ruhe sanft, kleine Aster!» («Есть что попить в твоей вазе, ты можешь спокойно спать, малютка астра!»). Метафора духовного начала получает продолжение в этих строках. Поэт называет тело вазой, вместилищем души.

В стихотворении «Невеста негра» поэт использует метафорический ряд, который открывается ярким сравнением при описании прекрасной мёртвой девушки:

«Sie aber lag und schlief wie eine Braut:
am Saume ihres Glückes der ersten Liebe
und wie vorm Aufbruch vieler Himmelfahrten...»

«Лежала, как невеста, и спала,
как будто на краю любви счастливой
в предчувствии блаженных вознесений»¹³.

Труп девушки Г.Бенн сравнивает с невестой: смерть представляется поэту началом чего-то нового, волнующего и прекрасного. Предчувствие смерти, согласно поэту, может быть равносильно предчувствию счастья, так как смерть избавляет от мучений простой человеческой жизни и даёт возможность «блаженных вознесений», возможность обрести нечто большее в другом мире. Далее поэт пишет: «... und einen Purpurschutz aus totem Blut ihr um die Hüften warf». («... и пурпур мёртвой крови опоясал её чресла».) Смерть создаёт подвенечный наряд для невесты, готовит к перерождению и, с этой точки зрения, лирический герой открывает для себя положительную сторону смерти и её особую красоту на грани с отвращением и ужасом.

⁹ Там же. – С. 42 – 42

¹⁰ Там же. – С. 40 – 41

¹¹ Там же. – С. 40 – 41

¹² Там же. – С. 44 – 45

¹³ Там же. – С. 42 – 43

Большое разнообразие эпитетов смерти создаёт парадоксальную образность лирических текстов Г.Бенна. В стихотворении «Невеста негра», описывая труп, поэт использует такие эпитеты как «die hellen Schenkel» (белые бёдра), «die bräunlicheren Brüste» (темноватые соски), подчёркивая, таким образом, красоту мёртвого тела. В лирическом тексте «Малютка астра» внимание читателя привлекает эпитет-неологизм «dunkelhellila Aster» («тёмно-светло-лиловая астра»). Игра цвета в данном случае символизирует жизнь. Поэт противопоставляет изменчивость и противоречивость жизни бесцветной и застывшей смерти.

Также, с лингвистической точки зрения, внимание заслуживает метонимия в лирических текстах Г.Бенна. В стихотворении «Милое детство» поэт пишет: «Ach, wie die schönen Schnauzen quitschten!» («Ах, как пищали мордашки»). Данный текст посвящён вскрытию трупа утонувшей девушки, в теле которой было обнаружено гнездо крысят, сразу же выброшенных в реку. За счёт метонимии поэт оказывает нежное и трепетное отношение лирического героя к маленьким крысятам, обречённым на гибель. В лирическом тексте «Невеста негра» Г.Бенн называет девушку «горячая юная кровь». В его творчестве особое место занимает символика органов и частей тела. Кровь в лирике поэта отождествляется с жизнью. Метонимия в данном случае выражает жизненную силу, способную преодолеть смерть.

В процессе исследования лирики Г.Бенна мы определили новый художественный приём, который обозначили как «скрытый парадокс». Данный троп обозначает развёрнутую парадоксальную ситуацию со скрытым или двойным смыслом. Например, одно из стихотворений Г.Бенна называется «Прекрасная молодость». В принципе, название может относиться либо к погибшей девушке, либо к крысятам. В конце стихотворения становится очевидным, что речь идёт о крысятах. Сочувствие лирического героя вызывают именно они, а не утонувшая девушка. Подобный парадокс, рассчитанный на эпатаж читательской публики, вызывает шок и неприятие. Здесь очевиден врачебный сарказм и своеобразная попытка лирического героя-патологоанатома абстрагироваться от действительности.

Данный приём поэт использует также в стихотворении «Круговорот», где речь идёт об уборщике трупов, который выдрал золотой зуб у трупа, продал его и пошёл на танцы. При этом поэт подчёркивает, что остальные зубы мёртвой женщины тоже были удалены «как будто с её согласия». Заканчивается стихотворение библейской аллюзией: «... лишь земле полагается стать землёю», которая подчёркивает парадоксальное сравнение круговорота веществ в природе и опи-

санной ситуации. Скрытый парадокс в данном контексте также сочетается с авторским сарказмом. Необычные сравнения поэта выражают авторскую философию. Например, в последнем стихотворении лирического цикла «Реквием». Г.Бенн сравнивает трупы с новорожденными: «Ich sah, von zweien, die dereinst sich hurrtten, lag es da, wie aus einem Mutterleib». (Вот эти двое только что блудили, а как новорождённые лежат)¹⁴. В понимании поэта труп – это не только мёртвое тело, но и сосуд новой жизни. Яркое сравнение в стихотворении «Невеста негра»: «Лежала, как невеста, и спала...» подчёркивает насыщенный смыслами метафорический ряд, о чём было сказано выше. Помимо стихотворения «Круговорот» библейские аллюзии появляются в лирическом тексте «Реквием». При этом они удивительным образом сочетаются с символикой частей тела: «Jeder drei Näpfe voll: von Hirn bis Hoden. Und Gottes Tempel und des Teufels Stall». («Яички, мозг – в трёх мисках лишь обмылки. Храм Господа и стойло сатаны»). Указанный символический ряд отражает идею того, что тело человека содержит в себе отдельный универсум, вмещающий Ад и Рай. При этом возможность мыслить для него – путь к вечному блаженству, а половое влечение – низменный грех.

На основе анализа слота «мёртвое тело» авторского концепта «смерть» мы определили следующие единицы слота: смерть как физический распад, душа и труп, смерть как переход на новый уровень бытия, мёртвое тело как универсум. Лингвистическое своеобразие данного слота определяют следующие особенности на всех уровнях языка: 1) деструктивный синтаксис, выраженный в особом ритме за счёт чередования коротких и длинных строк, в синтаксических структурах, близких к прозаическому тексту, в односоставных предложениях, разрывающих строку, эллипсах, грамматических параллелизмах, восклицательных предложениях, а также в графическом смещении строки; 2) преобладание имени существительного; 3) метафора и метафорический ряд; 4) символ и символический ряд; 5) эпитет; 6) неологизм; 7) метонимия; 8) скрытый парадокс; 9) сарказм; 10) сравнение; 11) библейская аллюзия.

¹⁴ Там же. – С. 44 – 45.

SLOT «DEAD BODY» IN THE SYSTEM OF CONCEPT «DEATH» AND ITS LINGUISTIC ORIGINALITY

© 2009 S.I.Derbenyova^o

Samara State Academy of Culture and Arts

The research issue is the analysis of a linguistic originality of slot «dead body» in the system of concept «death» on the basis of G.Benn's lyrical cycle «Mortuary». In the following article grammatical and lexical features of lyrical texts of the poet are considered. The special attention is given to G.Benn's traditional and innovative artistic imagery in the named cycle of poems.

Keywords: biblical illusion, comparison, concept, destructive syntax, ellipse, epithet, epithet – neologism, grammatical parallelism, latent paradox, linguistics, lyrical character, metaphor, metonymy, metaphorical number, neologism, sarcasm, symbol, symbolic number.

^o *Derbenyova Svetlana Igorevna, Post-graduate Student,
Senior Lecturer. E-mail: letulitc@yandex.ru*